

Алексей Митрофанов
Невский проспект

Прогулки по Санкт-Петербургу

Алексей Митрофанов
Невский проспект. Прогулки
по Санкт-Петербургу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26535340

ISBN 9785448576317

Аннотация

Летопись Невского проспекта – сплошной светский журнал. Здесь Иван Тургенев познакомился с Полиной Виардо. В этой кофейне Пушкин выпил лимонаду, прежде чем отправиться на свою последнюю дуэль. В том дворце на бал к царю такому-то съезжались те-то, те-то, те-то.

Содержание

«Большая перспектива»

6

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Невский проспект Прогулки по Санкт-Петербургу

Алексей Геннадиевич
Митрофанов

© Алексей Геннадиевич Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4485-7631-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая книга нашего нового цикла – конечно же, Невский проспект. Он воспет писателями и поэтами как никакой другой проспект России. А вероятнее всего, и мира – статистику никто не подводил.

Не обязательно читать всякие специфические исторические фолианты, чтобы понять – чем именно был тот проспект в различные эпохи своего существования. Достаточно быть человеком начитанным, любить художественную литературу и проводить за книгою хотя бы несколько часов в неделю.

Вы никуда не денетесь от Невского проспекта и помимо

своей воли станете специалистом в его истории (как и в истории России вообще).

Его летопись – сплошной светский журнал. Здесь Иван Тургенев познакомился с Полиной Виардо. В этой кофейне Пушкин выпил лимонаду, прежде чем отправиться на свою последнюю дуэль. В том дворце на бал к царю такому-то съезжались те-то, те-то, те-то. И так далее, так далее, так далее.

Мы не стремимся объять необъятное и рассказать обо всех домах Невского. Затронем лишь то, что покажется нам самым важным для облика этого места. В первую очередь это, конечно, кафе, рестораны, гостиницы и магазины – словом, главные соблазны главной улицы главного города России. Но и не только они.

Впрочем, в путь.

«Большая перспектива»

В наши дни Невский проспект – самый центр Петербурга, его главный символ и эпицентр жизни города. Трудно представить себе, но на заре петербургской истории проспекта не было вовсе. Осваивалась так называемая Петроградская сторона, Васильевский остров, строилась крепость на острове Заячьем. А противоположная сторона Невы была местом нетронутым.

Правда, уже в то время был заложен Александро-Невский монастырь – духовный центр новой столицы. Естественно, что Петр прекрасно понимал необходимость в трассе, которая бы связывала духовный центр с центром светским. И он распорядился проложить дорогу – так называемую «Большую перспективную».

Правда, не обошлось без конфуза. По преданию, со стороны Адмиралтейства Невский прокладывали русские солдаты (в помощь которым были предоставлены также пленные шведы), а со стороны монастыря – монахи. Довольно быстро выяснилось, что дороги эти встретиться не могут – монахи при расчетах несколько ошиблись. Петр распорядился бить их нещадно плетями, однако для дела от этого не было пользы – оба участка соединились друг с другом лишь в 1760-е годы.

В память о той инженерной ошибке нам достался позор-

ный излом, который делает проспект в районе площади Восстания.

Впрочем, существуют и другие версии этой неточности.

* * *

Однако литераторам времен Петра Великого было в то время не до «перспективы». Они, не жалея словес, воспевали иные творения усатого императора. Невский же того периода стал появляться в русской прозе и стихах несколько позже, притом в виде явно неприглядном. Вот, например, фрагмент из «Восковой персоны» Юрия Тынянова: «Волки... выбежали на берег и мимо Летнего сада добежали до Ерика, Фонтанной речки. Тут они пересекли большую Невскую перспективную дорогу, которая на Новгород, мощеную, на ней лежали поперек доски».

Впрочем, не только волки бегали по будущему Невскому проспекту – мощеному и, более того, обсаженному по краям березками. Как ни странно, молодые щеголи времен Петра Великого почувствовали будущее этой «перспективы» и выбрали ее одним из мест своих праздных фланировок. Не зря же император Петр издал один своеобразнейший указ: «Нами замечено, что на Невской перспективе и на ассамблеях недоросли отцов именитых в нарушение этикету и регламента штителя в гишпанских камзолах и панталонах с мишурой щеголяют предерзко. Господину Полицмейстеру указую впредь оных щеголей с рвением великим

вылавливать, сводить в литейную часть и бить кнудом пока от гишпанских пантолонов зело похабный вид не окажется. На звания и именитость не взирать, так же на вопли наказуемых».

Кстати, декоративные березки, которыми был обсажен Невский проспект, жители города без всякого смущения использовали по хозяйству. И в 1756 году пришлось даже издать такой указ: «Понеже по Невской першпективой против разных домов березки посажены для увеселения, а ныне усмотрено, что между теми березками развешено белое платье, того ради Ея императорское величество соизволило указать о том обывателям объявить, чтоб они никогда платья не вывешивали, ежели впредь кто по той Невской между березками будет платье развешивать, оное отбирать в казну».

* * *

Официальная дата открытия Большой першпективной дороги – 1711 год. В 1720 году здесь соорудили первое серьезное официальное учреждение – Мытный двор. И уже в 1721 году камер-юнкер Ф. В. Берхгольц в своем дневнике писал: «С самого начала мы въехали в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и по справедливости названную проспектом, потому что конца ея почти не видно... Несмотря на то, что деревья, посаженные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще невелики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте,

в которой ее содержат... и делает чудесный вид, какого я нигде не встречал».

Спустя два года перспективу осветили конопляным маслом – как в лучших европейских городах. Фонарей соорудили много, даже очень много – 595 штук. Зажигали их «в ночное время, только в темные часы по присылаемым из академии о темных часах таблицам». На первый взгляд подобное кажется странным – а какие часы по ночам, как не темные? Но если вспомнить, что в Санкт-Петербурге есть белые ночи (а зимой, соответственно, черные дни), все сразу же становится понятным.

А в 1743 году здесь на Невском состоялось первое в истории проспекта официальное мероприятие. Точнее, крестный ход к мощам благоверного князя Александра Невского, перенесенными двумя десятилетиями раньше из Владимира в Александро-Невский монастырь. К этому событию весь проспект – от Адмиралтейства до монастыря покрывали деревянным настилом. Иначе по такой грязюке было просто не пройти.

* * *

Невский проспект, между тем, продолжал развиваться, продолжал совершенствоваться, продолжал входить в моду. В 1754 году было окончено строительство Аничкова дворца – и по сей день одной из главных достопримечательностей и проспекта, и Петербурга вообще. В 1766 году вышло

распоряжение Комиссии о Санкт-Петербургском строении о строительстве на Невском проспекте только каменных зданий – можно сказать, что статус этого проспекта признан был на высшем уровне. В 1783 году построили костел святой Екатерины, а спустя два года и Гостиный двор.

В канун же девятнадцатого века вспомнили про старые и добрые березки. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили воззвание: «Желающие будущею весною Невскую перспективу, начиная от Полицейского моста до Лиговского канала по обоим сторонам в два раза усадить березками (так и написано – „березками“, а не „березами“. – АМ), кои были б не тонее в окружности б вершков, а притом и около оных сделать балюстрат, могут с ясными о состоянии своем доказательствами и залогами явиться... Также те, кои пожелают будущею весною... Невскую перспективу, начиная от Казанского моста и продолжая до Аничковского по обеим сторонам в два ряда усадить липками („липками“! – АМ), но не менее в окружности б вершков имеющими».

Речь шла, ясное дело, о подряде. И как не редко происходит в нашем государстве, сей подряд был великолепным образом провален. И липки, и березки посадили раньше срока, они замерзли и не прижились. Но, поскольку в 1800 году император Павел Первый преподнес Екатерингоф одной из своих фавориток, княгине Гагариной (по официальной версии, естественно, князю Гагарину), следовало срочным образом перенести куда-нибудь первомайские гулянья, заве-

денные еще Петром Великим. Раньше их устраивали в Екатерингофе, а тут это стало невозможно – частное владение, княгиня, фаворитка, не гламурненько. И гулянья были перенесены на Невский, под кроны мертвых лип. На них, кстати сказать, присутствовал сам император – вероятно, чтобы подсластить пилюлю, отпущенную подданным.

Но, несмотря на провал этой затеи, во многих справочниках 1800 год значится как дата появления на Невском полноценного бульвара.

* * *

В 1795 году на Невском построили Публичную библиотеку. В 1801 – Казанский собор. В 1820 году П. П. Свиньин писал о Невском: «Исчез высокий бульвар, разделявший его на две равные половины, и теперь уже на месте сем разъезжают экипажи по гладкой мостовой. С бульваром исчезнет любопытная отличительность сей улицы, нередко случавшаяся весной, т.е. что по одной стороне катались еще на санях, а по другой неслась пыль столбом от карет и дрожek».

А в 1824 все это прилично подмыло. Нева по половодью разлилась пуще обыкновенного, и проспект превратился в канал.

Один из жителей проспекта утром выглянул в окошко, отпрянул в ужасе, позвал слугу, дрожащим голосом спросил его:

– Что ты видишь там на улице?

– Графа Михайлу Андреича Милорадовича, разъезжающего на лодке.

– Ну, слава Богу, – вздохнул житель. – А то я решил, что я с ума сошел.

То было первое по высоте наводнение за всю историю Санкт-Петербурга. А. С. Грибоедов писал: «Все по сию сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов выписные изделия быстро поплыли к Аничкову мосту; набережные различных каналов исчезали, и все каналы соединились в одно».

Когда же вода спала, все довольно быстро привели в порядок. Невский проспект – коммерческий проспект, умеиь вернуться.

* * *

К тридцатым годам позапрошлого столетия Невский проспект стал больше, чем проспект. Блистательный, модный, роскошный, он сделался символом питерской «дольче вита». Гоголь написал целую повесть под названием «Невский проспект»: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта... Едва только взойдешь на Нев-

ский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург... Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары, и, боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нем резкую царапину, – все вымещает на нем могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток!»

Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар,
И там гуляет на просторе...

Естественно, «бульвар» – это не что-нибудь, а именно Невский проспект. В то время он засажен был деревьями не только по краям, но и по центру – первоначальные мерт-

вые палки, по всей вероятности, заменили на что-то приличное.

Невский проспект, между тем, получил очередную обнову. Его выложили прогрессивной и стильной по тем временам мостовой – такими шестигранными деревянными шашечками, более напоминающими не покрытие для тротуара, а домашний паркет. Дорога смотрелась красиво, к тому же имела практический плюс: «Все дома на Невском проспекте избавились от беспрестанного дрожания, которое повреждало их прочность. Жители успокоились от стуку, лошади ощутили новые силы и, не разбивая ног, возят теперь рысью большие телеги. Экипажи сохраняются, а здоровье людей, особенно нежного пола, получило новый быт от приятной езды».

Правда, для того чтоб новшество не пострадало, петербуржцам запретили здесь курить. Но эта неприятность была перенесена со стойкостью истинных северян. Невский проспект оставался местом беззаботных гуляний, легкого флирта и остроумных экспромтов.

Однажды, например, Иван Андреевич Крылов, вылечив рожу на ноге, вышел на Невский прогуляться.

– А что, рожа прошла? – спросил его некий знакомец, проезжавший в карете (притом не замедлив движения).

– Проехала, – ответил баснописец.

Этот сюжет был очень даже в стиле Невского проспекта.

В другой же раз сюда явился в офицерской форме извест-

ный светский щёголь К. Булгаков. Правда, форма у него была карикатурная – полы сюртука касались поверхности земли. Но недолго он фланировал, потешая до коликов праздную публику. Вскоре на его пути случился великий князь Михаил Павлович.

– Что это за юбка на тебе, Булгаков? – воскликнул он. – На гауптвахту, на гауптвахту, голубчик! Я шутить не люблю.

– Ваше высочество, – отвечивал Булгаков, – я одет как нельзя более по форме и наказания, ей Богу, не заслуживаю. Я одет согласно приказу по гвардейскому корпусу. И вот доказательство.

С этими словами господин Булгаков вытащил приказ, составленный как раз самим Михаилом Павловичем, где, без учета роста офицеров, регламентировалась длина сюртука. Все офицеры и портные поняли, конечно же, что здесь ошибка, и шили себе форму соразмерно росту. И лишь низенький Булгаков пошил сюртук согласно предписанию.

* * *

Невский проспект был знаменем Санкт-Петербурга, и когда новая столица противопоставлялась старой Москве, в первую очередь хватались именно за это древко:

Хотелось город видеть мне.

Я на проспект пошел, зевая, —

И изумился! Нам во сне

Толпа не грезилась такая

В Москве, где мы по старине
Все по домам сидим, скучая;
А здесь, напротив, круглый год
Как бы на ярмарке народ

Без стуку по торцам катясь,
Стремятся дрожки и кареты;
Заботой праздною томясь,
Толпы людей, с утра одеты,
Спешат, толкаясь и бранясь.
Мелькают перья, эполеты,
Бурнусы дам, пальто мужчин;
В одеждах всех покрой один...

(Николай Огарев «Юмор»)

Однако беззаботность, по большому счету, только внешняя, и в той же гоголевской повести «Невский проспект» присутствуют нотки драматические и мистические: «Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет... Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста».

Так получилось, что именно Гоголь признан главным певцом Невского проспекта. Самуил Маршак даже писал в одном своем стихотворении:

Страницей Гоголя ложится Невский...

А может быть, дело всего лишь в названии повести?

* * *

К тому времени сложилась и парадоксальность Невского. Автор вышедших в 1846 году очерков «Прогулки по Невскому проспекту» Е. И. Расторгуев писал: «Невский проспект есть истинная картина всяких лиц, званий, состояний, свойств, характеров.

Здесь можно наслаждаться созерцанием ума и малоумия, сметливости и нерасчетливости, мотовства и бедности, роскоши и всякого рода лишений, добродетелей притворных и пронырств сокрытых, веселости наружной и скорби душевной.

Здесь великолепие и роскошь ослепляет зрителя, нищета и пышность прогуливаются вместе, лень, глупость и тунеядство являются в одежде модной, меркантильность, расчеты и сметливость пользуются случаями и в спекулятивных делах доходят до предельной степени.

Здесь можно выразуметь, как воздвигаются богатства и как всякое богатство может развеяться подобно праху или,

следуя моде, приличнее выразиться, дыму сигары.

Здесь благородство души, труд, науки, искусства, рассуждая о своих божественных предопределениях, проходят тихо, скромно.

Здесь ум и честь часто идут об руку сухощавого скелета, обернутого в разноцветную мантию бедности, а эгоизм, шарлатанство и случай давит их пышным своим экипажем...

Вот целая толпа разных фигур из школы большого света. Рассмотрите их со вниманием: это особы нынешнего бомонда. По требованию приличий нынешнего образования и по правилам «умения жить», физиономия нынешних светских людей окована неизменяемостью, чувства заморожены, ум засыпан инеем. Они движутся как машины, встречаются, разговаривают, расстаются без всякого соучастия, говорят затверженные фразы, спрашивают не думая вовсе об ответе. Жалкие автоматы, заведенные пружинами нынешнего образования! Говорят ли о смерти родителей или о вчерашнем бале, встречаются ли с любимую особою или с врагом своим, слушают ли жалостное происшествие или забавный анекдот, – их физиономия неизменна. Взаимные вопросы о здоровье, которым никто не интересуется, о погоде, которую всякий сам видит, о новостях, которые уже всем известны, – вот тип почти всех разговоров на Невском проспекте, с некоторыми вариациями, но все на одну и ту же тему!»

Сегодня эта «ярмарка тщеславия», описанная господином Расторгуевым, конечно, никого не удивит. А сформировался

этот стиль общения, это жизненное кредо – оказывается, все там же, на Невском проспекте.

Случались тут, конечно, и живые личности, которые всяко высмеивали типичных представителей проспекта. В частности, граф В. А. Соллогуб писал: «Почти каждый день ходили мы с Пушкиным гулять по толкучему рынку, покупали там сайки, потом, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти сайки светским разряженным щеголям, которые бегали от нас с ужасом».

Но подобных затейников было не много.

Здесь же, на Невском потешал народ один из первых русских эксгибиционистов. Михаил Пыляев так описывал его: «Очень долгое время в Петербурге был грозой и страхом женщин полупомешанный моряк, ходивший по Невскому и Летнему саду в одежде прародителей, будучи завернут только в модный тогда плащ *à la Quiroga*. Этот плащ был необъятной ширины, им можно было обернуться три раза. Видоизменение такого плаща под названием „альмавивы“ было любимым одеянием наших художников и актеров. Моряк воображал, что он по сложению Аполлон Бельведерский, и сковывать свои классические формы пошлыми модными одеяниями не считал нужным. И когда он встречал достойных, по его мнению, ценителей и ценительниц красоты, то тотчас распахивал плащ и являлся их глазам в виде античного изваяния. Такую прогулку он раз проделал в саду Виндзорского замка, когда там проезжала королева Виктория,

за что получил вместе с отставкой чуть ли не европейскую известность».

В то время эксгибиционизм был не то, чтоб не изучен – о нем вообще никто не слыхивал.

* * *

Критично настроенный маркиз де Кюстин отзывался о Невском в резких словах: «Главная улица Петербурга называется Невским проспектом и заслуживает несколько более подробного описания. Эта красивая улица служит местом прогулок и встреч всех бездельников города. Таких, правда, не слишком много, ибо здесь не ходят ради самого процесса гуляния. Каждый шаг имеет свою цель, независимую от удовольствия. Передать приказание, спешить к своему начальнику, засвидетельствовать нужному лицу почтение – вот что приводит в движение население Петербурга и империи.

Этот именуемый проспектом бульвар вымощен ужасающими булыжниками неправильной формы. Но здесь, как и на некоторых других главных улицах, в булыжной мостовой проложены деревянные дороги – нечто вроде паркета из восьмиугольных или кубических сосновых брусков.

Две такие полосы торцов, шириной от двух до трех футов, разделенные булыжной мостовой, по которой бежит коренник, проложены с каждой стороны улицы. От домов их отделяют широкие тротуары, выложенные плитняком, на отдаленных улицах сохранились еще жалкие деревянные панели.

Этот величественный проспект доходит, постепенно становясь все безлюднее, некрасивее и печальнее, до самых границ города и мало-помалу теряется в волнах азиатского варварства, со всех сторон заливающих Петербург, ибо самые пышные его улицы сходят на нет в пустыне. Великолепный город, созданный Петром Великим, украшенный Екатериной II и вытянутый по ранжиру прочими монархами на кочковатом, почти ежегодно затопляемом болоте, окружен ужасающей неразберихой лачуг и хибарок, бесформенной гурьбой домишек неизвестного назначения, безымянными пустырями, заваленными всевозможными отбросами – омерзительным мусором, накопившимся за сто лет жизни беспорядочного и грязного от природы населения».

И среди всего этого, на французский вкус, жалкого великолепия запросто прогуливался император Николай I. Встреча с царем ни в коей мере не считалась редкостью. При этом разговоры были самые разнообразные. Однажды, например, царь шел по Невскому и углядел в толпе неряшливого пьяного студента. Шел он нетвердым шагом, шляпа на затылок, шинель не застегнута, да и руки в рукава не вдеты. Строгий самодержец решил этого студента отчитать.

– На кого ты похож? – начал он с самым своим суровым выражением лица.

– На маменьку! – сказал студент и улыбнулся во весь рот.

В России такая находчивость традиционно приветствовалась.

* * *

В том же 1839 году, когда по Невскому гулял брюзгливый господин Кюстин, здесь поменяли освещение. С этого момента Невский проспект освещался газом – по тому времени весьма передовая технология.

В 1843 году в Демидовской гостинице, располагавшейся здесь же, на Невском, Иван Тургенев познакомился с Полиной Виардо. Его представили весьма своеобразно: «русский помещик, славный охотник, интересный собеседник и плохой поэт». Что ж, в этом был резон – прославился Иван Сергеевич в первую очередь своими прозаическими сочинениями, а не стихотворными. Начался роман, который на протяжении десятилетий давал российской богеме пищу для самых пикантных пересудов.

В 1844 году здесь, на Невском впервые в России появился асфальт. Правда, не на всем проспекте, а всего-навсего на Полицейском мосту, перекинутом через отнюдь не широкую Мойку. Да и технология была совсем другая – асфальт не заливали прямо на дорогу, а выкладывали в виде кубиков, заранее отлитых на заводе. Однако же и это был прогресс. Газеты восхищались: «Асфальт, вылитый в кубическую форму, выдерживает самую жесткую пробу, потому что едва ли где бывает более езды, как на Полицейском мосту».

В 1846 году было окончено строительство Пассажа – магазина модного, не в пример старому посконному Гостино-

му двору.

* * *

Вторая половина девятнадцатого века – новый всплеск прогресса. Уже в 1847 году в городе появляются маршрутные омнибусы – огромные кареты. Естественно, первый маршрут проложен именно по Невскому проспекту. В переводе с латыни «омнибус» означает «для всех». И вправду, проезд стоит 10 копеек, новый вид транспорта доступен самым широчайшим слоям населения, и вечно переполненный вид транспорта приобретает новый, исконно петербургский термин: «обнимусь». Адвокат А. Кони так описывал этот технический шедевр: «На Невском нет ни трамваев, ни конно-железной дороги, а двигаются грузные, пузатые кареты, огромного размера со входной дверцей сзади, у которой стоит, а иногда и сидит кондуктор. Это омнибусы, содержимые много лет купцом Синебрюховым... Неуклюжие и громоздкие, запряженные чохлыми лошадьми, они вмещают в себя до двадцати пассажиров и движутся медленно, часто останавливаясь для приема и выпуска таковых».

Но все равно – это было событие.

А в 1851 году – пущен в эксплуатацию Николаевский (ныне – Московский) вокзал.

Невским проспектом вновь любуются, и никому не хочется его критиковать, и даже профессиональный критик Н. А. Добролюбов пишет в 1853 году: «Если погода так хо-

роша, Петербург Вам так незнаком, что Вы непременно хотите идти пешком – Вы не раскаетесь. Советую всегда начинать от Лавры... Вскоре начинается Невский проспект, и Вы очутились на ярмарке: на трехсаженных тротуарах здешних постоянно такая же толкотня, как у нас (то бишь в Нижнем Новгороде. – АМ) на ярмарочном месте. Но, вообразите, здесь менее душно: менее пахнет городом, чем в Москве, или даже у нас».

А в 1858 году в Санкт-Петербурге побывал писатель Теофиль Готье. Не обошлось, конечно же, без посещения Невского проспекта. Готье был очарован: «На этой фешенебельной торговой улице чередуются дворцы и магазины. Нигде, может быть, только в Берне, вывеска не выглядит так восхитительно, как здесь. И до такой степени, что этот вид декоративного украшения улиц и домов нужно было бы отнести к разряду ордеров современной архитектуры, прибавить его к пяти ордерам Виньолы. Золотые буквы выводят свой рисунок на голубом фоне, выписываются на стеклах витрин, повторяются на каждой двери, не пропускают углов улиц, круглятся по аркам, тянутся вдоль карнизов, используют выступы подъездов, спускаются по лестницам подвалов, изыскивают все способы привлечь внимание прохожих. Возможно, вы не знаете русского языка, и форма этих букв, кроме орнаментального своего выражения, не имеет для вас никакого смысла? Но вот рядом вы видите перевод этих надписей на французский и немецкий языки. Вы еще не поня-

ли? Тогда услужливая вывеска, прощая вам незнание этих трех языков, даже предполагая и тот случай, что вы вообще неграмотны, очень наглядно изображает те предметы, которые продаются в магазине. Вылепленные или нарисованные виноградные гроздья указывают винный магазин, далее ветчина, колбасы, говяжьи языки, банки с икрой вас извещают о том, что здесь помещается продуктовая лавка. Самые примитивные рисунки, башмаки, галоши, сообщают не умеющим говорить ногам: „Войдите сюда, и вас обуют“. Нарисованные крест-накрест перчатки говорят на языке, понятном для всех. Встречаются также изображения женских накидок, платьев, над которыми нарисованы шляпы или чепчики. Художник посчитал излишним пририсовывать к ним лица. Пианино приглашает вас испробовать их клавиши. Все это интересно фланирующему путешественнику и обладает особым колоритом».

Кстати, тот же литератор обратил внимание еще на одну редкую особенность проспекта: «На Невском проспекте идеи религиозной терпимости прямо-таки претворены в жизнь, и самым либеральным образом. Буквально нет ни одного вероисповедания, какое не имело бы своей обители, своего храма на этой широкой улице. Налево, в том же направлении, в каком я шел до сих пор – голландская церковь, лютеранский храм святого Петра, католическая церковь святой Екатерины, армянская церковь, не считая в прилегающих улицах финской часовни и храмов других направлений

Реформации. Направо – русский Казанский собор, другая православная церковь и часовня старинного культа старове- ров или раскольников. Все эти божьи обители стоят в одном ряду с жилищами людей, за исключением Казанского собо- ра, который прерывает общую линию и изящным полукру- гом, напоминая восхитительную колоннаду собора Святого апостола Петра в Риме, выходит на обширную площадь. Фа- сады соборов лишь незначительно отступают назад из общей линии домов. Они, не таясь, предлагают себя вниманию и ре- лигиозному усердию прохожих; узнать их можно по особому свойственному им архитектурному стилю. У каждой церкви есть дарованные царями большие участки богатой городской застройки, где дома или участки сдаются в аренду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.